

Владимир Одоевский

Винченцо и Цецилия

Владимир Одоевский
Винченцо и Цецилия

«Public Domain»

1828

Одоевский В. Ф.

Винченцо и Цецилия / В. Ф. Одоевский — «Public Domain»,
1828

«У окна келий в монастыре св. Бернарда сидел пустынный, погруженный в глубокую задумчивость. Без внимания глаза его были устремлены на печальные снега Альпов, его окружавшие – там было все однообразно, неподвижно, лишь изредка в нагих горах восставал ветер, шевелил мертвую лавину, медленно низвергалась она в бездонную пропасть, раздавался гул колокола, тронутого невидимою рукою, и снова наставала тишина могилы...»

Владимир Одоевский Виченцио <и> Цецилия

«Фрагменты незавершенной повести»

*Удивительно! Как я понимал каждый шаг
свой и зашел так далеко! Как ясно видел
свое положение и действовал, как
ребенок! И теперь еще ясно вижу, а нет
и малейшей надежды исправиться.*

(Гете в «Вертере»)

У окна келий в монастыре св. Бернарда сидел пустынный, погруженный в глубокую задумчивость. Без внимания глаза его были устремлены на печальные снега Альпов, его окружавшие – там было все однообразно, неподвижно, лишь изредка в нагих горах восставал ветер, шевелил мертвую лавину, медленно низвергалась она в бездонную пропасть, раздавался гул колокола, тронутого невидимой рукою, и снова настаивала тишина могилы. Виченцио был уже не на заре лет, уже он давно достигнул того возраста, когда уравниваются все силы человека для бытия, яснее, рождается та деятельность души, которая стремится к подвигам высоким, – и наступает та торжественная минута, когда таинственная мысль предвечной жизни, присутствовавшая при рождении человека, является во всем блеске своего развития, минута – после которой постепенно вянут силы и их ослабление говорит о дне, когда человек делается уже бесполезным орудием в руках вседвижущего Бытия. Виченцио чувствовал, что годы, им проведенные, должен был назвать жизнью и еще спрашивал себя: что такое жизнь? Мысленно пробегал он свое земное странствование: в юности любовь к поэзии и живописи, возвышенные помыслы любознания волновали и покоили его душу, в сладких сновидениях представляли ему будущее и поселили в нем гордость самосведения. Он постигнул ту силу, которая вырывает у Природы сокровеннейшие из ее тайнств, волшебное сродство мысли с выражением было ему легко и понятно, и полотно оживало под его рукою, гармония чувства переливалась в звуки, и глубокие умозаключения предупреждали открытия человечества. Но люди не поняли его, и он не понял людей, они были к нему не равнодушны, но язык его был для них иероглифом, над которым смеялись дети и который презирали старцы. Он любил людей, с младенческим доверием бросался в их объятия – и отступал с ужасом, видя бездну, его от них отделяющую. И могущественное сомнение заковывало деятельность души его, как узкий сосуд сжимает ветвистые корни огромного дерева; оно сделалось для него докучливою болезнью. Смотри на изящное произведение, он начал спрашивать, не безобразие ли это? Прислушиваясь к гармонии звуков – не шум ли нестройный? Погружаясь в смелые помыслы – не мечта ли большого воображения? Погас факел, освещавший путь его жизни, его окружили немые образы, под коими он тщетно хо распознать то, что прежде называл красотою и безобразием, добродетелью и пороком! Уже он не знал, продолжать ли ему путь свой, совратиться ли с него, избрать ли дорогу других людей – в ужасе он смешал себя с ними и в сей толпе не узнавал виновного своего злополучия – он не мог ни молиться, ни проклинать людей.

Беззаботная жизнь инока, слепая покорность чужой воле, вспомоществование бессильному человечеству, непрерывная жертва духовного бытия – вещественные потребности показались ему единым прибежищем. Однообразные снега Альпов соглашались с его померкшим воображением – произвольное движение хладных лавин отвечало мертвым бурям, вздымавшимся в пустыне его сердца. И подобно страннику, занесенному снеговому сугробом, он с сладострастием отчаяния следил, как мало-помалу свинцовым сном засыпала душа его.

* * *

Непроизвольное движение руки отшельника отделило часть скудных обоев, покрывавших стену его келий, и удивленным взорам его явился образ святой Цецилии. Благочестивый мастер – вероятно, один из учеников Алберта Дюрера, изобразил ее с тою древнею простотою, которая отражается в возвышенных произведениях Природы и искусства. В размышляющем взоре ее сияло то небесное спокойствие, которое так же отлично от земной тишины, как непрерывный восторг Серафима отличен от буйной радости Искусителя. Голубое покрывало обвивалось вокруг ее стана. Пальцы ее покоились на органах и казалось, в гармонии всех частей произведения отдавалась гармония звуков. Отшельник взглянул на нее – и отвернулся: «Поздно! – сказал он, – было время, когда бы ты приковала мое внимание – когда бы я, может быть, преклонил бы пред тобою колена и из творения стал бы выпытывать тайну Создателя. Теперь поздно! Восторги перегорели в душе моей – и во всем мире ей остался один предмет для удивления: я теперь одному только в мире могу удивляться: непонятному терпению или слабоумию человека, который сносит <?> этот отвратительный призрак, называемый *жизнию*».

Открытие Виченцио привело в движение весь монастырь; толпами собирались иноки в келию своего собрата и с нелепыми возгласами дивились красоте картины; одни говорили, что она написана предшественником Виченцио, другие утверждали, что то было явление, посланное Небом для утешения страдальцев. Один Виченцио не разделял всеобщего восторга и с язвительным равнодушием спрашивал самого себя: в самом ли деле прекрасна картина? Если она прекрасна – то зачем она? Зачем прекрасное существует на свете? Оно не одна ли из тех насмешек, которыми Провидение дарит человека при его рождении?

Проходили день за днем – охолодело удивление иноков-художников; лишь некоторые в движении холодной набожности повергались пред образом Цецилии, ударяли себя в грудь и поспешно уходили, послышав голос, зовущий к трапезе.

Не так было с Виченцио. В тесной келии картина против воли беспрестанно была пред его глазами. Со временем она даже начала производить на него впечатление, которое было похоже на какое-то болезненное чувство, и однажды в досаде на свою слабость он вздумал завесить ее, но приблизился, и невольное чувство заставило его взглянуть на нее с большим вниманием – по непонятному влечению он сравнил небесное спокойствие, выраженное на лице мученицы, с безмолвною пустотою души своей – пораженный, он бросил покрывало и отступился с ужасом; что-то прежнее зашевелилось в его сердце и смешивалось с каким-то новым, непонятным ощущением.

* * *

«Неужели я еще младе^нец, – восклицал Виченцио, – неужели еще что-нибудь в мире может привести в движение мою душу? Я инок, отлученный от света, я злополучный, изведанный всем, что есть в внешней и внутренней жизни мучительного – словом, я человек, – прибавил он с насмешливою улыбкою, – и смесь цветов, которые одна черта может разрушить, введет меня в прежний унижительный ребяческий обман!»

Отшельник не хотел более глядеть на Цецилию – но в часы, когда пламенные капли отчаяния падали на его мертвеющую душу, он невольно обращал взоры на образ Цецилии, и как бы целебный елей обливал измученную грудь его.

* * *

Долго боролся Винченцо с новым чувством, зародившимся в душе его, как борется страдалец, засыпавший сном смерти и силою искусства снова воззываемый к мучительной жизни, но жизни.

* * *

Нет! То было не минутное чувство, но своенравная прихоть расстроенного воображения. Он измерял каждый шаг свой – сомневался на каждом шагу, противоречил и тогда уже уступил жизни, когда все силы смерти истощились.

* * *

Мало-помалу созерцать свѣтую Цецилию сделалось для него привычкою, необходимою, страстию – жизнью... и дух воспрянул от сна... новым светом озарились для него все прежние помыслы и чувства... весь прежний мир, но в новом образе, предстал пред него. То он видел себя на бурном коне и с именем свѣтой Цецилии на устах в равнинах Палестины кровию своею искупая свободу святой страны от ига неверных, то в сонме царедворцев мощною рукою двигал хитросплетенные колеса правления, то открытием новых таинств Природы или сильным выражением души потрясал человечество, и все помыслы он приносил на судилище Цецилии, делал ее свидетельницей всех потаенных чувств своего сердца, от нее требовал разрешения, когда сомнение западало в его душу – она присутствовала при рождении и развитии каждой его мысли, днем с горячею радостію смотрел на нее – а ночью молился пред нею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.